

Тунцкии Н. Л. Св. Климент, епископ Словенский: (Речь перед защитой магистерской диссертации: «Св. К. еп. Сл. Его жизнь и просветительская деятельность») // Богословский вестник 1913. Т. 2. № 6. С. 227–241 (2-я пагин.).

Св. Климентъ, епископъ Словенскій.

(Рѣчь передъ защитой магистерской диссертаци: „Св. Климентъ, епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность“).

Черезъ три года исполнится тысяча лѣтъ со дня смерти того великаго славянскаго учителя, жизнь и дѣятельность котораго составили предметъ моего труда. Тысячелѣтній юбилей—весьма необычный праздникъ для славянскаго міра: въ тысячелѣтнемъ періодѣ—вся славянская исторія. И вотъ, на самыхъ граняхъ этой исторіи, гдѣ только начинается разрѣзаться доисторическій мракъ, покрывавшій Восточную Европу, является имя Климента, вошедшаго всей своей дѣятельностью въ процессъ зарожденія южно-славянской культуры и литературы.

Но его историческій образъ предстаетъ передъ нами въ пестромъ разнорѣчьи народныхъ преданій, житійныхъ свидѣтельствъ и научныхъ освѣщеній.

Въ Македоніи и Болгаріи воспоминанія о его дѣятельности тѣсно срослись съ національнымъ самосознаніемъ славянскаго населенія, и можно сказать безъ преувеличенія, что на всемъ протяженіи этихъ странъ нельзя встрѣтить ни одного славянина, которому бы не было извѣстно и близко это завѣтное имя. Въ юго-западной Македоніи, на берегахъ живописнѣйшаго въ мірѣ Охридскаго озера, гдѣ онъ нѣкоторое время трудился, его личность до сихъ поръ окружена цѣлымъ роемъ благочестивыхъ сказаній и легендъ, а его гробница, пріютившаяся въ Охридѣ, считается величайшей святыней не только Македоніи, но и всего южно-славянскаго міра, передъ которой смолкаютъ даже раздрающія Македонію племенные распри, у которой скло-

няется вмѣстѣ съ христіаниномъ — болгаринномъ, сербомъ, грекомъ — также и воинственный албанецъ и полный религіознаго фанатизма турокъ. Его память живетъ даже среди мусульманскаго населенія. Турки часто приводятъ на гробницу этого Синаанъ-баба (св. отца) своихъ больныхъ, а потуреченные албанцы, особенно племя Кременте, до сихъ поръ справляютъ ему „славу“. Въ основѣ всего этого культа Климента, осложненнаго примѣсью даже мусульманскихъ традицій, на всемъ протяженіи его распространенія лежитъ представленіе о Климентѣ, какъ объ организаторѣ въ Македоніи и Болгаріи славянской грамоты, родоначальникѣ всей славянской культуры и величайшемъ „писателѣ“.

Народнымъ преданіямъ въ общемъ соотвѣтствуютъ историческія свидѣтельства о немъ, изображающія его ученикомъ свв. Кирилла и Меѳодія, изгнаннымъ послѣ смерти послѣдняго изъ Моравіи и трудившимся надъ распространеніемъ славянской грамоты и литургіи въ Болгаріи и Македоніи.

Но всѣ источники, изъ которыхъ черпается матеріалъ о Климентѣ, отличаются такими несовершенствами, полны такихъ подозрительныхъ свойствъ, противорѣчій и легендарныхъ прикрасъ, что въ научной литературѣ до сихъ поръ личность святителя остается невыясненной. Хотя въ настоящее время коллективными усиліями русскихъ и славянскихъ изслѣдователей приведено въ извѣстность огромное литературное наслѣдіе Климента, но не только остается темной исторія его творчества, не только является въ крайне разнорѣчивыхъ очертаніяхъ его личность, но даже хронологическое пріуроченіе его жизни подвергается въ наукѣ серьезнымъ колебаніямъ, даже весь его обрисовывающійся въ источникахъ обликъ иногда представляется какимъ-то историческимъ недоразумѣніемъ. Покойный Е. Е. Голубинскій, удѣлявшій Клименту такъ много вниманія, признавалъ основной источникъ для его жизнеописанія — пространное житіе — беззастѣнливой фальсификаціей какого-то грека, жившаго не ранѣе XII в. и выдавшаго Климента за ученика Кирилла и Меѳодія. Въ новѣйшее время чешскій ученый, католич. священникъ о. Снопекъ усиленно развиваетъ теорію двухъ Климентовъ, будто-бы слитыхъ въ простр. житіи въ одно лицо: одинъ изъ нихъ — ученикъ Кирилла и Меѳо-

дія, ничѣмъ себя не заявившій, кромѣ развѣ своего сочувствія, вмѣстѣ съ Меодіемъ, римскому ученію объ психожденіи Св. Духа и отъ Сына, другой—епископъ Величскій, жившій позднѣе, рьяный фотіанинъ, авторъ сохранившихся съ именемъ Климента сочиненій. У другихъ изслѣдователей хотя дается вѣра показаніямъ источниковъ, но рѣшеніе какъ частныхъ, такъ и самыхъ общихъ вопросовъ о Климентѣ не приближается еще къ окончательному единству и устойчивости и далеко еще не обхватываетъ всѣхъ подробностей его жизни и дѣятельности.

Недостаточная выясненность біографіи Климента должна была неминуемо отразиться и на научныхъ представленіяхъ о той эпохѣ въ исторіи духовнаго просвѣщенія славянскихъ народовъ, которая наступила непосредственно послѣ смерти Меодія, въ самомъ концѣ IX и началѣ X вѣка. Эта эпоха оказала огромное, до сихъ поръ, на нашъ взглядъ, не вполне оцѣненное въ наукѣ, вліяніе не только на послѣдующую судьбу и духовную культуру, но даже на самую выработку отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Вѣдь, если, довѣрившись источникамъ, признать Климента ученикомъ солунскихъ братьевъ и продолжателемъ ихъ дѣла, перенесшимъ кирилло-меодіевскую традицію въ Болгарію и Македонію, то въ подробностяхъ его біографіи оказываются заключенными всѣ нити первоначальнаго распространенія славянской письменности среди южныхъ славянъ. Если же признать его житія въ ихъ основѣ незаслуживающими серьезнаго довѣрія, тогда приходится отказаться отъ хронологическаго определенія его жизни, отъ всякаго научнаго построенія его біографіи, а слѣдовательно—и отъ всякой попытки возстановить послѣ-меодіевскую эпоху въ Моравіи и обстоятельства распространенія славянской письменности и литургіи среди южныхъ славянъ. Отсюда самый основной вопросъ, съ которымъ приходится считаться изслѣдователю жизни и дѣятельности Климента, это — вопросъ о томъ, былъ-ли Климентъ ученикомъ Кирилла и Меодія и продолжателемъ ихъ дѣла, или нѣтъ?

Тщательный анализъ простр. и краткаго житій привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что ихъ несовершенства несправедливо вмѣнять злой волѣ или невѣжеству составителей, но слѣдуетъ объяснять обстоятельствами ихъ происхо-

жденія или переписки, что ихъ основа, за вычетомъ ея искаженій, имѣетъ высокую историческую цѣнность, что Климентъ былъ ученикомъ Кирилла и Меодія и активнымъ продолжателемъ ихъ традиціи и въ Моравіи, и въ Болгаріи.

Эти основныя положенія, проходящія черезъ всю мою книгу, я постарался аргументировать разнообразными способами. Но въ числѣ доказательствъ, приведенныхъ тамъ, недостаетъ одного, которое съ большимъ успѣхомъ могло бы усилить довѣріе къ пространному житію и подтвердить историческое положеніе святителя. Это—то доказательство, которое легко извлечь изъ сферы его литературной дѣятельности и сохранившихся произведеній его. Я сознательно исключилъ изъ своего изложенія эту сторону дѣла, потому что въ противномъ случаѣ рисковалъ бы впасть въ *circulus viciosus*, превративши свои основныя цѣли въ средства: желая выработать въ историческомъ изслѣдованіи жизни Климента точки опоры для изученія его литературной дѣятельности, я сталъ бы закрѣплять эти точки данными изъ его литературнаго творчества, разсмотрѣніе котораго еще впереди. Но теперь, когда и общее хронологическое опредѣленіе его жизни и отдѣльныя подробности его біографіи освѣщены въ моей книгѣ на основаніи другого разнообразнаго матеріала, я позволю себѣ извлечь для тѣхъ же цѣлей нѣкоторыя данныя изъ области его литературныхъ трудовъ, при чемъ хотѣлось бы напередъ снискать себѣ передъ вами оправданіе за неизбѣжныя мелочныя и, можетъ быть, скучныя детали, въ надеждѣ, что вы охотнѣе окажете имъ вниманіе ради важности историческихъ вопросовъ, къ рѣшенію которыхъ только онѣ и ведутъ.

Я позволю себѣ сопоставить съ свидѣтельствами простр. житія о литературныхъ трудахъ Климента наличность открытаго наслѣдія его, чтобы, такимъ образомъ, состоятельность біографическихъ точекъ отправленія могла обнаружиться и при обратномъ восхожденіи отъ результатовъ къ посылкамъ. Предвосхищая выводъ изъ сопоставленія, слѣдуетъ сразу же отмѣтить удивительное соотвѣтствіе найденныхъ различными изслѣдователями и дополненныхъ мною поучительныхъ сочиненій Климента съ прямыми показаніями простр. житія, хотя розысканіе сочиненій Климента происхо-

дѣло само собой, внѣ всякихъ. если можно такъ выразиться, насилій со стороны житія.

Въ XXII гл. житія читаемъ: „Зная грубость народа и совершенное невѣжество въ познаніи писаній и замѣчая, что многіе священники болгарскіе, выучившись только читать, не понимаютъ греческихъ сочиненій, и потому непросвѣщенны, такъ какъ на болгарскомъ языкѣ не было словъ, припоровленныхъ къ празднествамъ, зная все это, онъ (Климентъ) и противъ этого старается принять свои мѣры, и помощью ихъ разрушаетъ преграду невѣжества; *составивши на всѣ праздники слова*, простыя и ясныя, которыя, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченнаго, были понятны и для самаго простаго болгарина, поученіями этими питалъ души слабѣйшихъ“.... и т. д.

Въ числѣ поводовъ, принудившихъ Климента взяться за составленіе проповѣдническихъ сочиненій, здѣсь указывается отсутствіе въ его время на болгарскомъ, т.-е. славянскомъ языкѣ *πατηρικοῦ λόγου* (ὡς μὴ ὅτιος βουλῶρων γλώσση πατηρικοῦ λόγου). въ которомъ, по смыслу житія, сильно ощущалась нужда для духовнаго воспитанія даже славянскихъ священниковъ. Это выраженіе, съ перваго взгляда, не вполнѣ понятно. Въ латинскомъ текстѣ у Мина оно переведено *oratio patetivica*: русскій переводчикъ житія, отступая отъ обычной своей точности, перевелъ его описательно: „поучительныя слова, припоровленные къ празднествамъ“; Шафарикъ для его поясненія привелъ рядомъ съ нимъ слово *πανήγυρις* (народное торжество, собраніе). Но ни однимъ изъ этихъ выраженій за *λόγος πατηρικός* не установленъ точный смыслъ, и при чтеніи памятника неминуемо долженъ возникать вопросъ о томъ, почему здѣсь стоитъ единственное число вмѣсто ожидаемаго множественнаго. Послѣдовательность мыслей въ XXII гл. житія ясно показываетъ, что острая нужда въ *λόγος πατηρικός*, существовавшая въ юной болгарской церкви, была удовлетворена Климентомъ тѣмъ, что онъ *составилъ слова на всѣ праздники: λόγους γὰρ συντεθεικῶς εἰς πάσας τὰς ἑορτάς*. Значить, кругъ славянскихъ поученій, составленныхъ Климентомъ на всѣ праздники, это—то, что соответствуетъ *λόγος πατηρικός* на греческой почвѣ и что дѣлаетъ *λόγος πατηρικός* равнозначащимъ съ *Πατηρικόν*. Съ этимъ именемъ въ византийской литургической номенклатурѣ былъ извѣстенъ особый типъ сборника, въ который,

дѣйствительно, входили торжественныя слова на праздники подвижныя и неподвижныя — господскіе, богородичны, въ честь болѣе чтимыхъ святыхъ, на недѣли великопостныя и послѣ-пасхальныя. На греческомъ языкѣ такихъ сборниковъ въ рукописномъ видѣ сохранилось значительное количество, хотя ихъ исторія, къ сожалѣнію, остается совершенно неизученной. Древнѣйшіе изъ нихъ, какъ, напр., парижскій кодексъ 766 или Моск. Синод. библ. № 215, восходятъ къ IX вѣку. На славянской почвѣ аналогичнаго типа сборники получили названіе Торжественника, но иногда сохраняли за собою и имя Панегирика, какъ, напр., сборники: Немецкаго монастыря № 90 (52), XV в.; Софійской Народной библ. № 300 (4), XVI в.; серія рукописей Хиландарскаго монастыря № 295—302.

Итакъ, по житію Климента, въ самомъ началѣ славянской письменности въ Болгаріи изъ-подъ его пера вышелъ опредѣленный циклъ проповѣдей на праздники всего года, который долженъ былъ въ новопросвѣщенной Болгаріи удовлетворять той потребности, для которой въ византійской церкви предназначался панегирикъ. Біографъ Климента съ удивительною точностью опредѣляетъ составъ поученій Климента по основнымъ группамъ, образовавшимъ кругъ проповѣдей на всѣ праздники года. Одни изъ этихъ поученій, говоритъ онъ, посвящены праздникамъ, „совершаемымъ о Христѣ и во Христѣ“, другія — „въ память Пресвятой Богородицы, которая многократно, какъ вы знаете, совершается ежегодно“... „Найдешь и Крестителя не лишеннымъ подобающихъ ему похвалъ, и узнаешь о чудныхъ обрѣтеніяхъ главы его; встрѣтишь житія и хожденія пророковъ и апостоловъ, подвигами мучениковъ окрылишься... Ты любишь правила жизни и дѣйствій преподобныхъ отцовъ и ревнитель житія почти безплотнаго и безкровнаго? Найдешь и это обработаннымъ на болгарскомъ (славянскомъ) языкѣ премудрымъ Климентомъ“. Упрощая это риторически выраженное свидѣтельство, легко можно видѣть, что изъ-подъ пера Климента вышли поученія на праздники—а) Господскіе, б) Богородичны, в) Иоанна Крестителя, г) Обрѣтеній его главы, д) Пророковъ, е) Апостоловъ, ж) Мучениковъ, з) Преподобныхъ Отцовъ, и) безплотныхъ и безкровныхъ Жителей.

Кругъ праздниковъ IX—X вв.,—именно праздниковъ, а

не памятей,—которые обобщаются этими категоріями, можно приблизительно возстановить по дошедшимъ до насъ памятникамъ—мѣсяцесловамъ, уставамъ, греческимъ панегирикамъ и различнымъ агіологическимъ произведеніямъ, принимая при этомъ за несомнѣнное, что болгарская церковь усвоила себѣ календарь и всѣ праздники восточной церкви. Экскурсъ въ область восточнаго мѣсяцеслова даетъ возможность напередъ составить приблизительный списокъ дней, на которые мы въ правѣ болѣе всего ожидать отъ Климента словъ и поученій. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ написалъ проповѣди непременно на всѣ праздники годичнаго цикла: нѣкоторыя памяти онъ могъ оставить безъ проповѣдей; другія, не занимающія въ мѣсяцесловѣ особенно важнаго мѣста, по своему усмотрѣнію, могъ почтить своими проповѣдями. Цикль праздниковъ, отмѣченныхъ поученіями Климента, подсказываемый его житіемъ и наличностью праздниковъ въ современномъ ему календарѣ, былъ обширнѣе тѣхъ памятей, на которыя имѣются проповѣди въ греческомъ панегирикѣ Синод. библ. № 215 (IX в.), но уже, чѣмъ въ панегирикѣ Иерусалимской библ. № 30 (X—XI в.), включающемъ въ себя слова и на второстепенныя памяти года.

Соотвѣтствуетъ-ли проектируемый такимъ образомъ приблизительный планъ проповѣднической дѣятельности Климента дѣйствительнымъ произведеніямъ его? До насъ не сохранилось въ видѣ самостоятельнаго сборника соединенія его проповѣдей. Лишь немногія изъ нихъ—числомъ около 15—имѣютъ его имя въ надписаніи. Огромное большинство ихъ разсѣялось въ безымянномъ видѣ въ разнообразныхъ славянскихъ и русскихъ сборникахъ и приводится въ извѣстность въ наукѣ постепенно, выдѣляясь въ накопившемся проповѣдническомъ матеріалѣ, какъ древнѣйшій самостоятельный пластъ его, вышедшій изъ-подъ пера перваго славянскаго проповѣдника. Восполняя уже добытые въ этой области результаты собственными разысканіями, беру на себя смѣлость утверждать, что даже подробности начертаннаго плана находятъ себѣ блестящее соотвѣтствіе въ совокупности открытыхъ текстовъ словъ Климента.

Группу праздниковъ въ честь Спасителя и Божіей Матери въ IX—XI вв., сверхъ Пасхи, составляли тѣ, которые теперь

называются дванадесятыми, за исключеніемъ развѣ въ раннѣйшее время праздника Введенія Богородицы. И почти всѣ эти праздники, оказывается, отмѣченны словами Климента. Сверхъ дванадесятихъ праздниковъ, къ этой же группѣ относятся—Воскрешеніе Лазаря, которое въ Кристофератскомъ Типиконѣ внесено даже въ число *θεσποτικῶν ἑορτῶν* (владычныхъ праздниковъ) и праздникъ Зачатія Богородицы. И обоемъ этимъ праздникамъ посвящены слова Климента: на Воскрешеніе Лазаря—давно извѣстное съ его именемъ, на Зачатіе—безымянное, но тѣсно связанное съ другими произведеніями его. На праздники Предтечи имѣется четыре или пять словъ Климента. На обрѣтеніе главы Предтечи мною найдено рѣдчайшее слово въ рки. Хиландарскаго монастыря № 300, лл. 158—161, въ единственномъ пока спискѣ. Не забыты, далѣе, Климентомъ памяти пророковъ и апостоловъ. А. И. Соболевскимъ издано похвальное слово апостоламъ Петру и Павлу, П. А. Лавровымъ—похвала одному Павлу, а также похвала пророку Иліи. Но при ближайшемъ изученіи поучительной литературы, посвященной пророкамъ и апостоламъ, въ которой рѣчь идетъ объ ихъ жизни и хожденіяхъ, оказывается, что изданныя этими учеными слова представляютъ собою лишь отдѣльныя произведенія изъ цѣлой обширной серіи однородныхъ похвальныхъ словъ апостоламъ и пророкамъ: Марку, Іакову Заведееву, Симону Зилоту, Варфоломею и Варнавъ, Іудѣ, Матѳеею, Фаддею, Филиппу, Ѡмѣ, Лукѣ, Іоанну Богослову, 12-ти апостоламъ вмѣстѣ, прор. Иліи и Елисею. Дни памяти всѣхъ этихъ апостоловъ и пророковъ въ Византіи были праздниками весьма чтимыми; нѣкоторые изъ нихъ почитались наравнѣ съ праздниками Господскими и Богородичными; а въ позднѣйшей новеллѣ Мануила Комнина, которой санкціонировался для государства установившіяся кругъ церковныхъ праздниковъ, одни изъ праздниковъ въ честь апостоловъ отнесены къ великимъ, другіе—къ среднимъ. Похвальные слова апостоламъ объединяются не только сходствомъ содержанія и общностью литературной манеры, но и соединеніемъ ихъ въ одинъ сборникъ, который можно бы назвать „апостольскимъ торжественникомъ“. Его списковъ сохранилось чрезвычайно мало, и то съ позднѣйшими осложненіями. Кромѣ древнѣйшей рукописи Звени-

городскаго монастыря XV в., въ настоящее время затерянной. мнѣ извѣстно только два сборника этого типа: Хлуд. № 32 и Волок. № 487. Изъ сонма наиболѣе чтимыхъ мучениковъ похвальными словами Климента отмѣчены: Димитрій Солунскій, Климентъ Римскій, 40 мучениковъ, Козьма и Даміанъ, изъ святителей—Иринея, Николай Чудотворецъ. Есть также слово безплотнымъ Михаилу и Гавриилу.

Такимъ образомъ, въ наличномъ составѣ произведеній Климента есть элементы, которые до точности соответствуютъ приведенному выше показанію житія, возвышая его авторитетъ до степени первостепеннаго историческаго источника.

Въ частности, въ пользу исторической цѣнности памятника, представляющаго Климента ученикомъ Кирилла и Мефодія, говорятъ и нѣкоторыя отдѣльныя произведенія его. Похвальные слова Кириллу Философу, Димитрію Солунскому и Клименту, папѣ Римскому, отражаютъ собою интересъ составителя ихъ къ этимъ тремъ святымъ, вполне понятный изъ біографіи Климента Словенскаго, какъ ученика Солунскихъ братьевъ: Кирилль—его учитель, Димитрій Солунскій—патронъ Солуны, родины первоучителей, Климентъ Римскій долженъ былъ быть близокъ ему не только, какъ соименный святитель, но и по воспоминаніямъ объ обрѣтеніи и перенесеніи его мощей въ Римъ Кирилломъ Философомъ.

Кромѣ того, простр. житіе говоритъ о составленіи Климентомъ поученій „простыхъ и ясныхъ, которыя, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченнаго, были понятны и для самаго простаго болгарина“. Такихъ поученій, отличныхъ отъ торжественныхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Клименту, насчитывается пока немного. Въ числѣ ихъ обращаютъ на себя вниманіе своимъ назначеніемъ для памяти любого святого съ „пмярекъ“ вмѣсто его имени—2. Но мы можемъ увеличить количество такихъ поученій общаго характера 15-ю новыми. Они вошли въ особый составъ Общей Минеи. Принадлежность всѣхъ этихъ произведеній Клименту, на нашъ взглядъ, несомнѣнна. Но въ восточной церкви такія слова общаго характера не пользовались особымъ распространеніемъ, тогда какъ на западѣ изъ нихъ составлялись цѣлыя гомиліары. Возможно, что составляя эти

слова, Климентъ находился подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, что указываетъ какъ на мѣсто жительства его—на одну изъ западныхъ областей, какой могла быть Моравія. Нужно попутно замѣтить, что общія слова-четы, съ соответствующими потребностямъ различныхъ праздниковъ измѣненіями, вошли въ Прологъ, чѣмъ и объясняется давно уже подмѣченное многими изслѣдователями сходство древнихъ проложныхъ поученій съ твореніями Климента.

Наконецъ, для хронологическаго опредѣленія жизни Климента имѣетъ чрезвычайно важное значеніе проникновеніе его словъ въ составъ Златоуструя. Этотъ сборникъ явился въ Болгаріи при Симеонѣ; слѣдовательно, и ихъ авторъ не могъ жить въ болѣе позднее время.

Совокупность приведенныхъ соображеній, какъ бы ни были они малозначительны, взятая порознь, лишній разъ подтверждаетъ историческое положеніе Климента, какъ ученика солунскихъ братьевъ...

Въ своей книгѣ я сдѣлалъ опытъ критическаго построенія жизни и дѣятельности св. Климента, при чемъ, однако, я вышелъ за узкіе предѣлы біографическихъ интересовъ и коснулся многихъ современныхъ Клименту обстоятельствъ южно-славянскаго исторіи. Теперь мнѣ бы хотѣлось въ заключеніе въ нѣсколькихъ словахъ высказать послѣднее обобщеніе, которое въ сущности выразить мой конечный взглядъ на историческое значеніе изученнаго дѣятеля. Право на это обобщеніе, надѣюсь, куплено мною достаточною цѣною: дробнымъ, почвеннымъ анализомъ историческаго матеріала.

Когда въ IX в. славянскія племена стали складываться въ государства, возникалъ вопросъ: окажется-ли у нихъ какое-нибудь живое народное начало, которое бы легло въ основу ихъ національной жизни, въ противовѣсъ византійскимъ и латино-германскимъ традиціямъ. Такимъ началомъ оказался народный славянскій языкъ, возведенный дѣятельностью Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ на степень языка литературнаго и церковнаго. Приспособленіе его къ потребностямъ литературы и богослуженія открыло передъ южными и западными славянами возможность живого пріобщенія къ сокровищамъ византійской культуры, въ то время самой высокой въ Европѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужило основой для развитія на славянскихъ языкахъ литературы, для созданія національныхъ славянскихъ церквей. для

укрѣпленія національнаго и политическаго самосознанія. Но не всѣмъ славянскимъ народамъ и не въ одинаковой степени суждено было воспользоваться трудами своихъ славныхъ учителей. Сложной цѣпью историческихъ обстоятельствъ западные славяне Моравіи и Панноніи были отторгнуты отъ кирилло-меѳодіевской традиціи, и она, со всѣми своими, благодѣтельными для народной жизни, послѣдствіями, сдѣлалась всецѣло достояніемъ славянъ южныхъ. Во всей этой исторіи дѣла солунскихъ братьевъ живымъ нервомъ была дѣятельность Климента, вначалѣ—какъ ихъ ближайшаго ученика и сотрудника, а послѣ ихъ смерти—какъ продолжателя и руководителя всего начатаго ими предпріятія.

Въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія (въ 885 г.) Клименту пришлось трудиться недолго, вслѣдствіе ожесточеннаго гоненія на него со стороны латино-нѣмецкаго духовенства. Борясь противъ славянской литургіи, послѣднее не только преслѣдовало принципъ папской политики, направленной къ объединенію латинскимъ языкомъ всѣхъ христіанъ, но и обнаруживало стремленіе соблюсти своего рода равновѣсіе въ проявленіи народныхъ началъ въ жизни различныхъ національностей Европы. Приблизительно въ то же самое время, когда во второй половинѣ IX в. Климентъ трудился въ Моравіи надъ славянской литературой и уже въ церквахъ раздавалась славянская литургія,—на другихъ народныхъ языкахъ Европы—нѣмецкомъ и романскомъ—тоже создавались, при помощи латинскаго письма, первыя литературныя произведенія: *Heiland, Christ, Evangelienbuch* Отфрида Вейсенбургскаго, стихотворное житіе св. Евлаліи—первенецъ французской литературы и др. Хотя эта зарождавшаяся на народныхъ языкахъ литература тоже носила на себѣ религіозный характеръ, но о замѣнѣ въ богослуженіи нѣмецкимъ или французскимъ языкомъ латинскаго на западѣ въ то время не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, славяне въ Моравіи, этотъ варварскій народъ, стоявшій далеко позади нѣмцевъ въ умственномъ и гражданскомъ развитіи, благодаря счастливому стеченію историческихъ условій, неожиданно опередилъ всѣ народы Европы въ проявленіи своего національнаго существа. Могло-ли потерпѣть такую привилегію славянскаго языка, а слѣдовательно—и славянской національности, не только папство и латино-нѣмецкое духо-

венство, но и франкское государство, если языкъ этотъ, какъ видно изъ палескихъ посланій, считался варварскимъ, если даже и самое христіанство моравянъ на Майнцкомъ соборѣ было признано до крайности грубымъ? При такихъ условіяхъ усилія Климента продолжать дѣло св. Меодія послѣ его смерти оказались безплодными, и, послѣ тюремнаго заключенія и изгнанія изъ Моравіи, онъ перенесъ свою дѣятельность въ Болгарію.

Здѣсь обстоятельства сложились самымъ благопріятнымъ образомъ для культивированія славянскаго языка въ богослуженіи и литературѣ. Вопреки принятому въ наукѣ мнѣнію, есть основанія думать, что въ концѣ IX вѣка, ко времени прихода сюда Климента, населеніе Болгаріи по своему составу еще не представляло собою однородной массы, такъ какъ въ это время еще не выработался новый этническій типъ изъ смѣшенія славянскихъ племенъ съ древне-болгарской національностью, и оба эти элемента существовали еще довольно обособленно. Но славянскій элементъ пріобрѣталъ все большее и большее преобладаніе въ государствѣ, и болгарскій князь Борисъ, чтобы опереться на него въ борьбѣ съ старо-болгарской придворной партіей, долженъ былъ встрѣтить Климента и другихъ славянскихъ проповѣдниковъ съ распростертыми объятіями.

Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для дѣла Климента въ Болгаріи было терпимое отношеніе къ славянскому просвѣщенію со стороны Византіи, которая сама склонна была культивировать въ своихъ предѣлахъ славянскую грамоту для привлеченія къ имперіи славянскихъ элементовъ и для мирнаго разрѣшенія тревожившаго византійцевъ славянскаго вопроса. При такихъ условіяхъ труды Климента въ Болгаріи въ самое короткое время принесли громадныя плоды. Во всей своей дѣятельности Климентъ руководился главнымъ образомъ практической идеей—создать и воспитать въ Болгаріи славянскую церковь. И благодаря его усиліямъ въ царствованіе Бориса и Симеона, къ концу IX в., Болгарія постепенно пріобрѣла славянское богослуженіе и славянскую іерархію, при чемъ эта реформа осуществлялась съ такимъ широкимъ развитіемъ славянской письменности, какого на зарѣ своего существованія въ столь короткій періодъ не достигала ни одна изъ европейскихъ литературъ.

Но Климентъ былъ не только первымъ среди южныхъ славянъ систематическимъ дѣятелемъ просвѣщенія, не только первымъ епископомъ съ чисто-славянскимъ характеромъ дѣятельности, учредителемъ придворной княжеской и народныхъ школъ, но и однимъ изъ первыхъ, а можетъ быть и самымъ первымъ, въ собственномъ смыслѣ слова, славянскимъ писателемъ. Славная дѣятельность солунскихъ братьевъ и ихъ ближайшихъ учениковъ была посвящена главнымъ образомъ переводамъ священныхъ и богослужебныхъ текстовъ. Если и можно говорить о принадлежности нѣкоторыхъ славянскихъ памятниковъ кружку, работавшему подъ руководствомъ первоучителей, то лишь въ самомъ общемъ смыслѣ, безъ пріуроченій къ опредѣленнымъ именамъ. Между тѣмъ многочисленныя произведенія Климента представляютъ цѣльное и опредѣленное литературное творчество, тѣсно связанное со всѣмъ просвѣтительнымъ трудомъ его жизни. Это творчество было тѣмъ важнымъ моментомъ въ исторіи зарожденія древней славянской литературы, когда, на основѣ первыхъ славянскихъ переводовъ, еще мало развитая славянская рѣчь стала впервые самостоятельно, хотя еще и очень робко, приспособляться къ потребностямъ новой религіозной культуры. И изслѣдованіе сочиненій Климента какъ съ литературной стороны, такъ и со стороны языка, приближаетъ мысль къ самымъ основамъ того знаменательнаго литературно-психологическаго процесса, которымъ совершалось пріобщеніе славянскаго міра къ византійской христіанской культурѣ. Въ этомъ процессѣ были черты — какъ разъ противоположныя тѣмъ, которыми характеризуется развитіе литературы византійской. Въ византійской литературѣ, несмотря на все однообразіе ея содержанія и формъ, запечатлѣвался живой процессъ религіозной мысли, напряженно работавшей въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Славяне, наоборотъ, должны были начать съ того, чѣмъ кончила, на чемъ успокоилась Византія. Нужно было неразвитой мыслью проникнуть въ чужую литературу, выросшую въ чужихъ условіяхъ, и выразить неумѣльнымъ словомъ новое міросозерцаніе, область сложныхъ мыслей, утонченнѣйшихъ богословскихъ понятій и религіозныхъ чувствъ, заключавшихся въ св. писаніи, повѣствовательной и поучительной литературѣ, въ прекрасной богослужебной лирикѣ. Первые труды первоупомянутой міра книж-

ныхъ византійскихъ понятій въ славянскую рѣчь принадлежать кружку Кирилла и Меодія и въ частности Клименту. Лексика его самостоятельныхъ произведеній далеко еще не можетъ охватить разнообразія воспринятыхъ мыслей, но въ ней отражаются живыя усилія языкового творчества, останавливающіяся подчасъ еще на однихъ и тѣхъ же формулахъ и на повтореніи довольно однообразной фразеологій.

Творенія Климента, сдѣлавшись достояніемъ южно-славянскихъ и русской литературъ, сослужили свою большую службу развитію славянскаго просвѣщенія и языка, и чрезъ это—самосознанію славянскихъ народовъ...

Когда-то И. С. Тургеневъ, преклонявшійся передъ русскимъ языкомъ, сказалъ: „Во дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русский языкъ“. Приблизительно то же съ гораздо большимъ правомъ могъ бы сказать въ древнюю эпоху славянской исторіи всякій южный славянинъ о языкѣ своей литературы и церкви, умѣривъ, разумѣется, лишь похвалу его качествамъ. Были трудныя эпохи въ жизни южнаго славянства, когда ни одно почти племя не было самостоятельнымъ, находясь подъ чуждой или иновѣрной властью, когда еще не стала для него русская Москва третьимъ Римомъ,—и въ эти эпохи почти единственнымъ дѣятельнымъ конкретнымъ народнымъ началомъ, за которое держалось славянское самосознаніе, былъ славянскій литературный и богослужебный языкъ. И Климентъ, какъ одинъ изъ первыхъ его творцовъ, заслуживаетъ, поэтому, вѣчнаго признанія. Пусть черезъ латынь западной церкви сокровища античнаго міра становились близкими Европѣ. Въ славянскомъ мірѣ церковно-славянскій языкъ, какъ языкъ богослуженія и литературы, приближалъ къ народному пониманію самыя глубокія основы и понятія христіанства. И вы мнѣ простите мой смѣлый парадоксъ, который я говорю, однако, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности за него: еслибы не было въ древности такихъ тружениковъ славянскаго просвѣщенія, какъ Климентъ, неизвѣстно, породила-ли бы Россія въ новое время писателей съ такимъ проникновеннымъ пониманіемъ христіанства, какъ нашъ Достоевскій...

Но, говоря о значеніи литературной дѣятельности Кли-

мента, я вступилъ въ область, лежащую уже за предѣлами содержанія моей книги. Подробное изслѣдованіе литературныхъ трудовъ его остается за мной еще впереди. А теперь, на пути къ продолженію моего труда, мнѣ предстоитъ выслушать авторитетный судъ моихъ глубокоуважаемыхъ учителей — официальныхъ оппонентовъ, въ сферѣ вліянія которыхъ еще съ студенческой скамьи складывались мои первые навыки и приемы работать надъ научными вопросами. Я не исполнилъ бы своего долга въ отношеніи и къ высокопочтимаго М. Д. Муретову и къ высокопочтимаго С. И. Смирнову, еслибы въ послѣднихъ словахъ своей рѣчи не принесъ имъ самой горячей благодарности за участливое отношеніе къ моему изслѣдованію и за ихъ драгоценный трудъ, потраченный на чтеніе и рецензированіе моей книги.

Н. Туницкій.

5 іюня 1913 года.
